

Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России*

Елена Олеговна

СМОЛЕВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: riolenas@rambler.ru

Аннотация. Стресс социальных изменений, который испытало российское население со сменой общественно-экономического строя, заставил его выбирать стратегии адаптационного поведения: от активного воздействия на среду до ухода от проблем. В этих условиях развивающуюся отрасль знания – социологию адаптаций – интересовали социально-экономические аспекты проблемы, связанные с изменением уровня жизни, социального статуса, а также со стратегиями экономического поведения членов различных стратификационных групп, влиянием различных видов капитала. Однако не менее важную задачу представляет исследование адаптации как составляющей социального здоровья. Цель работы – изучение социальной адаптации населения России, выявление его групп с различным адаптационным потенциалом. Основное внимание уделяется адаптации с точки зрения ресурсного и субъектно-деятельностного подходов. В качестве эмпирической базы выступают данные Европейского социального исследования (Россия, объем 2484 чел.). Социальная адаптация рассматривается через показатели её результата – адаптированности и через ресурсы. С помощью латентно-структурного анализа наблюдаемых переменных, отражающих различные стороны адаптации, выделены четыре латентные переменные. Две из них характеризуют результат адаптации: позитивное психическое самочувствие и субъектную активность (активные поведенческие практики в условиях изменения среды). Две другие – адаптационные ресурсы: внутренние (высокая адекватная самооценка, субъектность, интернальный локус контроля) и внешние (социальная поддержка). Латентно-структурный анализ позволил определить основания для стратификации российского общества по критерию «социальная адаптация». Были выделены группы, проблемные в плане динамики адаптационных про-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

Для цитирования: Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179-195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

For citation: Smoleva E.O. Criteria and resources for social adaptation of Russia's population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 179-195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

цессов в случае изменения исходных данных — увеличения внешней нагрузки или уменьшения внешних ресурсов. Как выявлено, с точки зрения субъектно-деятельностного подхода дезадаптация личности связана с её отчуждением в профессиональной деятельности. Новизна работы заключается в реализации междисциплинарного подхода к изучению социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, ресурсный подход, деятельностный подход, адаптационный потенциал, социальная субъектность, социальная поддержка.

Введение

Новый всплеск внимания к исследованиям адаптации обусловлен возрастанием роли человека как субъекта деятельности в обстановке «непрозрачности, расплывчатости, неопределенности и нестабильности тех социальных ситуаций, в которых людям приходится действовать» [1, с. 598]. Радикальные перемены в жизни общества всегда сопровождаются «стрессом социальных изменений» [1]. Есть данные, что экономические кризисы, сопровождающиеся финансовым давлением, приводят к ухудшению психического и физического здоровья. Так, по мере ухудшения экономической ситуации значительно возросло число случаев девиантного поведения, в том числе самоубийств и алкоголизма [2, с. 75-92; 3]. Масштабы и скорость экономических изменений 1990-х годов в российском обществе не соответствовали адаптационным ресурсам большинства его членов. По данным исследователей, не более 25% населения смогло адаптироваться к резким изменениям социальной структуры и институтов, возвращению к рыночным механизмам экономики [4, с. 14]. Ведь в условиях бифуркаций возрастает нагрузка со стороны внешней среды и индивиду приходится использовать по максимуму все имеющиеся ресурсы, однако впоследствии истощение адаптивных ресурсов увеличивает вероятность адаптивной неудачи, или адаптивный риск [5].

Актуальность исследований природы кризисов общества, социальной дезинтеграции и патологии, адаптации, её механизмов и ресурсов потребовала институционализации новой области знаний — социологии адаптации [5, с. 11]. Социологическая наука направила основные усилия на исследования социально-экономической адаптации [6; 7; 8; 9]. В центре внимания ученых оказались изменения уровня жизни и стратегии экономического поведения россиян, оценка их ресурсного потенциала. Одновременно нарастало количество публикаций,

которые были посвящены влиянию экономических кризисов на социальное самочувствие и в которых адаптация рассматривалась через призму общественного психического здоровья [10; 11]. Сегодня существует потребность в систематизации знаний о социальной адаптации с позиции субъекта, об адаптационных ресурсах населения и стратификации общества по критерию «социальная адаптация—дезадаптация». Комплексный, междисциплинарный подход к обозначенной проблеме предполагает проведение исследований на основе показателей не только экономического поведения в период социально-экономических кризисов, но и психического самочувствия людей. Ведь ещё Э. Дюркгейм отмечал, что «социальные факты являются результатами особой обработки фактов психических» [12, с. 478].

Изначально адаптацию рассматривали как приспособление к среде, а её результат — как состояние равновесия, гомеостаза; в социологических теориях — равновесия между институциональной средой и поведением индивида. Такой подход прослеживается в концепции принятия социальных норм и социально одобряемого поведения Э. Дюркгейма [12], в трактовке оптимального способа удовлетворения потребностей человека М. Вебера [13]. Представители структурно-функционального подхода указывали, что для объяснения сути процесса адаптации необходимы, во-первых, анализ норм, ценностей и целей, во-вторых, анализ возможности их реализации. По их мнению, адаптация представляет собой равновесие между ценностно-потребностной сферой личности и ценностно-нормативной системой социальной среды [14, с. 185-192; 15, с. 7-25]. Таким образом, с точки зрения нормативной концепции адаптация — это процесс активного приспособления субъекта к условиям окружающей среды на основе интериоризации социальных норм.

Эволюция взглядов на процессы адаптации сместила акценты с приспособления на инте-

грацию со средой и далее – на взаимную трансформацию систем. В 70–80-х гг. XX века наряду с «адаптивной» парадигмой ученые все чаще используют понятия «наднормативная активность» и «социальная субъектность». Ограниченное рассмотрение адаптации–приспособления как основного показателя нормы поведения сменяется на сочетание двух равнозначных процессов: адаптации и индивидуализации. Выдвигается индивидуально-психологический критерий нормы поведения, который включает в себя наличие внутренней позиции личности по отношению к внешнему миру и себе, способность принимать решения и делать выбор, личную ответственность за собственное поведение. Изменение концепций стало откликом на социальную практику: запрос на усиление влияния отдельного человека привел к появлению принципиально новых черт поведения и образа жизни, смене социального конформизма на социальную субъектность и творческую активность¹; «... относительно пассивная прежде роль массы участников социального взаимодействия существенно изменилась» [16, с. 5].

Существует мнение, что единственным подлинным субъектом социальной адаптации выступает личность вследствие направленности процесса адаптации не от социума к индивиду, а от индивида к социуму [14]. Своё исследование мы также выстроили в русле социологии личности вокруг субъективных оценок состояний, характеристик личности и поведенческих образцов, которые могут служить показателями социальной адаптации или дезадаптации личности и которые являются наблюдаемыми переменными. Основанием для запуска процессов адаптации будем считать дисбаланс двух систем, когда паттерны индивида не соответствуют актуальному состоянию окружающей среды (социальной, институциональной). Подобное отклонение воспринимается человеком как трудная жизненная ситуация, требующая мобилизации сил для возвращения в «норму».

Поясним выбранный нами ракурс рассмотрения адаптации. Социальная адаптация трактуется нами достаточно широко: это не только процессы приспособления человека к изменя-

ющейся социальной реальности через интериоризацию социальных норм, но и процессы индивидуализации, которые находят своё выражение в виде самореализации. Кроме того, социальную адаптацию с точки зрения субъекта мы характеризуем через её результат – адаптированность и через адаптационные ресурсы личности, которые будут задействованы в случае необходимости оказания воздействий на социальную среду (ситуацию, других субъектов).

При операционализации категории «социальная адаптация» мы опирались на деятельностный подход в сочетании с ресурсным [17; 18]. Органичное рассмотрение субъекта в деятельностной теории с точки зрения его ресурсов расширяет возможности интерпретации полученных данных об адаптации, ведь «ресурс субъекта – это совокупность качеств, обеспечивающих не только его способность к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции» [17, с. 315]. Таким образом, если речь идёт о саморегуляции поведения, то среди личностных адаптационных ресурсов выделяют характеристики личности: адекватную самооценку, самостоятельность, ответственность. Более того, в социологических работах выдвигают новые основания для социальной стратификации групп населения – «уровень адаптации к трансформационному процессу» [7, с. 327], «объем и структура ресурсов» [18, с. 34], к последним относят экономический, властный, социальный, квалификационный, культурный ресурсы [19]. В нашем исследовании мы использовали индикаторы «оказание/получение поддержки» для введения в анализ социального ресурса как наиболее тесно связанного с адаптацией человека к социальной системе.

Результат адаптации можно оценить на основании изменений, затрагивающих внешние поведенческие реакции адаптанта и его внутреннее состояние, к которому относят потребности, интересы, ответственность, активность [20, с. 15-16]. Л.В. Корель предлагает рассматривать как критерии завершенности адаптации социальное самочувствие (внутреннее состояние адаптанта) и наличие набора решений для различных проблем (внешние поведенческие реакции) [5, с. 324-330]. Обобщив положения социологических и психологических концепций, мы пришли к выводу, что в них в качестве показателей адаптированности выде-

¹ Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей, 1994. С. 3-14.

ляются психоэмоциональная стабильность, отсутствие тревожности, адекватную самооценку, наличие временной перспективы и ответственность за свои действия [21, с. 80–82], долгосрочное планирование, уверенность в возможности контролировать собственную жизненную среду [17, с. 314–317], интернальный локус контроля, активность [22], самоофективность [23], социальный статус, отражающий результат интеграции личности с обновленной социальной средой [6]. Как индивидуальные проявления дезадаптации рассматриваются негативная внутренняя установка по отношению к социальным требованиям, конфликтность, хронический эмоциональный дискомфорт (от негативно окрашенных переживаний до клинически выраженных психопатологий).

Дизайн исследования

Цель исследования – изучение социальной адаптации на базе субъективных оценок населения России с помощью квалитетического подхода. Эмпирической базой исследования послужили данные международного сравнительного исследования в рамках проекта European Social Survey (ESS)².

На основании анализа теоретических концепций и эмпирических данных нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1: Адаптационный потенциал личности составляют ресурсы, которые носят внутренний и внешний характер. Из внутренних ресурсов заметную роль в процессе адаптации играет самооценка личности, из внешних – социальная поддержка.

Гипотеза 2: Различия в актуальной нагрузке внешней среды (сильная–слабая) и адаптационных ресурсах (малые–большие) обуславливают выделение групп, дифференциро-

ванных по уровню адаптации: адаптированные, дезадаптированные и проблемные.

Применительно к базе данных нашего исследования мы выделили следующие показатели результата адаптации: психическое самочувствие (индикаторы: наличие/отсутствие депрессии, тревоги, озабоченности, чувства одиночества, удовольствия от жизни, упадок сил как невозможность мобилизовать себя) и активность, образцы поведения («медленно приходить в норму», «чувствовать себя неудачником», «легко принимать решения», «представлять направление жизни»). Адаптационные ресурсы определялись с помощью таких показателей, как: адекватная самооценка (хорошее отношение к себе; уверенность в том, что «все что я делаю, ценно и нужно людям»; уверенность в том, что «я силен во многих областях»); интернальный локус контроля (самостоятельность принятия решений относительно своей жизни); видение жизненных перспектив (оптимизм в отношении своего будущего); высокая внешняя оценка (уверенность в том, что ценят близкие люди); социальная поддержка («получать поддержку от близких людей»; «поддерживать близких людей»). Высокий социальный статус может служить как показателем результата адаптации, так и ресурсом, поэтому наблюдаемую переменную «Субъективная оценка социального статуса» мы использовали как дополнительную при сравнении групп с различным уровнем адаптации.

Однако выбранные в базе ESS наблюдаемые переменные имели варианты ответа с использованием различных шкал – четырех-, пяти-, семи- и десятибалльных. Для наглядности результатов и корректности применения методов математической статистики указанные переменные мы перестроили следующим образом:

- максимальный балл для всех переменных сделали равным единице;
- для десятибалльных шкал, с шагом в один балл, дополнительно был сделан более широкий шаг – через 0,2 интервала: 0,2; 0,4 и т.д.;
- в шкалах d2, d3, d12, d16, d18, d19, d23, d25 поменяли присвоенные за ответы баллы так, чтобы максимальный балл (единица) соответствовал согласию с высказанным утверждением.

² Многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения проводится с помощью его опросов: в Европе – с 2001 г., в России – с 2006 г. Выборка: 1500–3000 интервью в каждой стране. Свободный доступ к данным всех исследователей предоставлен через электронный сайт www.europeansocialsurvey.org. Основу нашего анализа составили вторичные данные за 2012 г. (29 стран, объем 42 630 чел.). В России исследование проведено Институтом сравнительных социальных исследований в ноябре–декабре 2012 года, размер выборки составил 2484 респондента. Режим доступа: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6>

Таблица 1. Дескриптивные статистики переменных, характеризующих социальную адаптацию

Переменная	Валидные значения	Пропущенные значения	Среднее	Стандартное отклонение
d2 – оптимизм в отношении своего будущего	2439	45	0,74	0,19
d3 – хорошее отношение к себе	2448	36	0,79	0,16
d4 – не чувствую себя неудачником	2427	57	0,70	0,20
d5 – депрессия	2441	43	0,43	0,19
d9 – чувство одиночества	2439	45	0,43	0,20
d10 – получаю удовольствие от жизни	2376	108	0,67	0,19
d12 – могу собраться, мобилизовать себя	2360	124	0,79	0,19
d14 – тревога, озабоченность	2444	40	0,50	0,19
d16 – я могу сам(а) решить как мне жить	2466	18	0,79	0,17
d19 – медленно прихожу в норму	2419	65	0,58	0,19
d23 – все что я делаю, ценно и нужно людям	2396	88	0,74	0,17
d25 – я силен во многих областях	2395	89	0,65	0,18
d29 – ценят близкие люди	2441	43	0,76	0,21
d30 – легко принимаю решения	2425	59	0,64	0,20
d35 – представляю направление жизни	2422	62	0,72	0,22
d36 – получаю поддержку от близких людей	2468	16	0,74	0,23
d37 – поддерживаю близких людей	2461	23	0,75	0,22
N валидных (по списку)	1995			

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Описательные статистики по выбранным нами переменным, характеризующим социальную адаптацию, указаны в *таблице 1*.

С учетом пропущенных значений для анализа отобрано 1995 валидных значений каждой переменной.

Субъективные оценки социальной адаптации населения России

Анализ средних значений переменных по массиву показал, что россияне в целом относятся к себе хорошо, смотрят в свое будущее с оптимизмом, уверены в поддержке близких людей. На уровне всей выборки (валидных переменных) практически отсутствуют симптомы депрессии, переживания чувства одиночества (у 86 и 82% респондентов соответственно).

По самооценкам большинство россиян редко чувствуют тревогу и озабоченность, но в то же время величина стандартного отклонения говорит о том, что есть группа респондентов, которые испытывают подобные негативные чувства большую часть времени, и эта группа составляет 20%. Значительная часть россиян с трудом представляет направление, в котором движется их жизнь (30%), и принимает решения по важным для них проблемам (22%).

Нами был проведен латентно-структурный анализ с помощью методики факторного анализа в программе SPSS³, в результате которого были выделены латентные переменные⁴ (факторы) социальной адаптации населения России (объясненная совокупная дисперсия – 56%, *табл. 2*).

³ SPSS – программа для статистической обработки данных. Матрица данных была подвергнута процедуре факторного анализа по методу главных компонент «PrincipalComponentAnalysis» с прямоугольным вращением по методу «VarimaxwithKaiserNormalization». Число факторов определялось при помощи критерия Кайзера. При анализе факторной структуры значимой факторной нагрузкой считалась нагрузка 0,350 по каждой шкале фактора.

⁴ Латентная переменная – не измеряемые напрямую конструкты, которые могут быть представлены посредством двух или более наблюдаемых переменных [24, р. 21-41]. В латентную переменную входят признаки, которые коррелируют друг с другом. Группировка наблюдаемых признаков и фиксация их в латентные переменные приводит к независимости показателей. На этом свойстве основано шкалирование наблюдаемых переменных при разработке тестов в психологии. Латентные переменные выделяют при помощи методов математической статистики. При использовании факторного анализа латентные переменные получают название факторов.

Таблица 2. Результаты факторного анализа социальной адаптации населения России

Фактор (латентная переменная)	Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Позитивное психическое состояние	d9 – чувство одиночества	-,737			
	d14 – тревога, озабоченность	-,714			
	d5 – депрессия	-,688			
	d12 – могу собраться, мобилизовать себя	,682			
	d10 – получаю удовольствие от жизни	,408			
Высокая самооценка и субъектность	d25 – я силен во многих областях		,660		
	d16 – могу сам(а) решить как мне жить		,641		
	d23 – все, что я делаю, ценно и нужно людям		,639		
	d2 – оптимизм в отношении своего будущего		,637		
	d3 – хорошее отношение к себе		,589		
Социальная поддержка	d36 – получаю поддержку от близких людей			,840	
	d37 – поддерживаю близких людей			,779	
	d29 – ценят близкие люди			,627	
Поведение при изменениях среды	d30 – легко принимаю решения				,667
	d19 – медленно прихожу в норму	-,319			-,636
	d4 – не чувствую себя неудачником				,556
	d35 – представляю направление жизни				,520

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Первый фактор (30% дисперсии) мы назвали «Позитивное психическое состояние», так как он воссоздаёт позитивные проявления в психическом самочувствии населения. В него входят переменные, отражающие получение удовольствия от жизни и отсутствие негативных состояний психики, а именно: тревоги, озабоченности, одиночества, депрессии. В этот фактор входят также переменные, характеризующие процессы сохранения положительного настроения и способности действовать в критических, стрессовых ситуациях – «мобилизация сил» и «быстрое возвращение в норму»⁵. Положительные значения первого фактора свидетельствуют о социальной адаптации.

Второй фактор (10% дисперсии) мы обозначили как «Высокая самооценка и субъектность», поскольку в него входят хорошее отношение к себе, уверенность в своих силах и самостоятельность принимаемых жизненно важных решений. Эта латентная переменная включает опору на оптимизм и ценность своей деятельности в глазах других людей. При этом человек дает себе оценку не как узкому специалисту, показывающему результаты в одной области, а считает, что достаточно силен

⁵ Отрицательная нагрузка по переменной «d19 – медленно прихожу в норму».

во многих областях. По нашему мнению, фактор отражает субъектную позицию, ведь важные жизненные решения принимаются самостоятельно, следовательно, одновременно эта позиция является отражением интернального локуса контроля. Социальная субъектность в сочетании с высокой самооценкой служит основой адаптации личности, тем самым второй фактор свидетельствует о внутренних адаптационных ресурсах.

Третий фактор (8,5% дисперсии) говорит о социальной поддержке. В него входят переменные, отражающие помощь близких людей, причем обоюдную: и со стороны близких респонденту людей, и обратно. Прямо выраженная поддержка дополняется другой её составляющей – моральной, а именно заверением ценности респондента для близких людей. Третий фактор отражает внешние ресурсы личности.

Сочетание переменных в четвертом факторе (7,5% дисперсии) достаточно интересно. Оно говорит о легкости принятия важных жизненных решений и быстром возвращении в норму, когда что-то идет не так (переменная «необходимо много времени, чтобы прийти в норму» отрицательно нагружает фактор). Видение жизненного пути, совмещенное с быстрым принятием решений, помогает быстро возвращаться в нормальное состояние и не чувствовать себя

неудачником. Однако ясное представление о том, в каком направлении движется жизнь, соединено с высокой оценкой происходящих в жизни событий в плане удачливости. И это в целом придает фактору легкий налёт экстернатальности. Возможно, что решения в проблемных ситуациях принимаются легко, с опорой на экстернатальные установки (например, «мне всегда везёт», «удача на моей стороне»). При подобной интерпретации можно поставить вопрос о слабой субъектности и предполагаемых проблемах с адаптацией. Для окончательных выводов необходимо посмотреть на сочетание четвертого фактора со вторым и третьим. Тогда мы сможем более уверенно говорить о стратегиях выхода из проблемных (кризисных, стрессовых) ситуаций. Четвертый фактор нами обозначен как «Поведение при изменениях среды».

Каждую латентную переменную можно рассматривать как шкалу при составлении многомерной методики исследования адаптации. В программе SPSS была проведена проверка внутренней надежности каждой из четырех выделенных шкал (факторов). Определенные в ходе анализа значения коэффициентов альфа Кронбаха⁶ составляли больше 0,7, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности переменных, составляющих шкалы.

Дифференциация населения России по показателям социальной адаптации

Далее была проведена кластеризация выделенных ранее, в процессе факторного анализа, четырех компонент методом К-средних. На основании количества компонент и объема выборки выполнен быстрый кластерный анализ с последовательно заданными 4, 5 и 6 кластера-

ми. Изучив их наполненность, мы приняли решение остановиться на шести кластерах.

В *таблице 3* приведены средние значения нормированных переменных для каждого кластера, определяющие их конечные центры.

Наибольший вклад в формирование первого кластера вносит латентная переменная «Социальная поддержка» с отрицательным показателем, что свидетельствует об отсутствии у членов этой группы поддержки близких людей. Средние величины положительных показателей по первому и второму факторам говорят о хорошем психическом состоянии респондентов, основой которого является внутренняя поддержка – высокая самооценка. В первый кластер, который мы обозначили как «Социальная адаптация на внутренних ресурсах», входит 16% респондентов.

Второй кластер можно охарактеризовать как «Социальная дезадаптация при наличии ресурсов». О том, что это именно дезадаптация, говорят явно выраженные проявления негативных психических состояний: депрессии, тревоги, озабоченности, переживания чувства одиночества. Но интересно, что ко второму кластеру относятся респонденты, имеющие внутренние и внешние ресурсы: внутренние – в виде самооценки выше среднего уровня и внешние – в виде социальной поддержки. Хотя сочетание плохого психического самочувствия с самооценкой выше среднего уровня может сигнализировать о неадекватном характере последней, т.е. это не просто высокая самооценка, а завышенная, что представляет фактор риска дезадаптивного поведения [21, с. 382]. Десятая часть респондентов (10%) относится

Таблица 3. Кластеры населения России, различающиеся по показателям социальной адаптации

Фактор (латентная переменная)	Конечные центры кластеров					
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5	Кластер 6
Фактор 1 «Позитивное психическое состояние»	0,25	-1,69	0,10	-0,96	0,21	0,83
Фактор 2 «Высокая самооценка и субъектность»	0,41	0,42	0,43	-1,27	0,60	-0,84
Фактор 3 «Социальная поддержка»	-1,37	0,39	0,43	-0,61	0,46	0,34
Фактор 4 «Поведение при изменениях среды»	0,02	-0,01	-1,34	-0,02	0,84	-0,03
Наполненность кластеров: – чел.	325	201	306	237	505	421
– %	16	10	15	12	26	21

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

⁶ Коэффициент альфа Кронбаха – это оценка надежности, базирующаяся на корреляции между переменными, входящими в данную совокупность.

во второму кластеру, т.е. каждый десятый житель России при наличии внутренних и внешних ресурсов испытывает проявления негативных психических состояний.

Третий кластер получил название «Потенциальная социальная дезадаптация» при возрастании внешней нагрузки. Представители этой группы отличаются нормальным психическим состоянием, без сильно проявляющихся симптомов депрессии, тревоги и т.д. У них есть внутренние и внешние ресурсы, но они недостаточны, так как реализация адаптационного потенциала затруднена. Последнее обстоятельство мы предполагаем, исходя из того что представители третьего кластера при изменении жизненных условий медленно приходят в норму и трудно принимают решения. Возможно, что актуальное положительное психическое состояние связано с отсутствием негативных воздействий, а при возникновении стрессовых ситуаций психическое самочувствие представителей третьего кластера (а это 15% респондентов) может ухудшиться, что относит их к группе риска.

Респонденты, входящие в четвертый кластер, дают негативные субъективные оценки своему психическому состоянию и отмечают отсутствие ресурсов, поэтому мы обозначили его как «Социальная дезадаптация при отсутствии ресурсов». Представители населения России, входящие в эту группу, характеризуются низкими самооценками (минимальными из всех групп) и уровнями социальной поддержки. К четвертой группе относятся 12% респондентов, т.е. каждый девятый житель России при усилении негативных внешних воздействий не обладает достаточными для преодоления стресса психологическими ресурсами.

Особенностью пятого кластера является положительное значение показателей по всем четырем факторам, при этом два из них имеют максимальные значения: «Высокая самооценка и субъектность» и «Поведение при изменениях среды». Респонденты, из которых состоит эта группа (каждый четвертый из валидных — 26%), характеризуются хорошим психическим состоянием, основанным на внутренних и внешних ресурсах. Отличительная черта кластера — высокий уровень адаптации к меняющейся реальности и наличие временной перспективы, а именно: члены группы легко принимают решения по жизненно важным проблемам, в кри-

тических ситуациях быстро приходят в норму, а также ясно представляют себе направление, в котором движется их жизнь. Одновременно эти респонденты имеют значительную социальную поддержку. Данный кластер получил название «Социальная адаптация при высоких нагрузках».

Шестой кластер формировался вокруг первых трех факторов. Лица, его составляющие, отличаются хорошим психическим состоянием, которому они дают самые высокие субъективные оценки по сравнению с другими группами. Но есть один нюанс: основой такого состояния являются только внешние ресурсы в виде социальной поддержки. А вот внутренние ресурсы отсутствуют, о чем свидетельствуют низкие значения фактора, отражающего влияние самооценки и субъектности. Мы назвали этот кластер «Возможная дезадаптация при утрате внешних ресурсов». Вместе с тем здесь возникает вопрос, требующий пояснений. Почему состояние респондентов из первого кластера мы обозначаем как адаптацию, а из шестого — как проблемы с адаптацией, «возможная дезадаптация», хотя симптоматика психических состояний в шестом кластере лучше? Всё дело в ресурсах: у первого кластера они внутренние, у шестого — внешние. При утрате внешней поддержки возможны изменения психического состояния в худшую сторону, во время как внутренние ресурсы для совладания с проблемной ситуацией отсутствуют.

Для ответа на вопрос, является ли дифференциация переменных по кластерам значимой, был проведен однофакторный дисперсионный анализ, который показал существенное различие между кластерами.

В ходе кластерного анализа нами выделено шесть групп, различающихся по степени социальной адаптации. Две из них мы отнесли к группам лиц с адаптацией (первый кластер «Адаптация на внутренних ресурсах» и пятый кластер «Адаптация при высоких нагрузках»), две — с дезадаптацией (второй кластер «Дезадаптация при наличии ресурсов» и четвертый кластер «Дезадаптация при отсутствии ресурсов»). Выделены также две группы с проблемами в адаптации (третий кластер «Потенциальная дезадаптация при увеличении нагрузки» и шестой кластер «Возможная дезадаптация при утрате внешних ресурсов»).

Критерии и ресурсы социальной адаптации россиян в разрезе групп

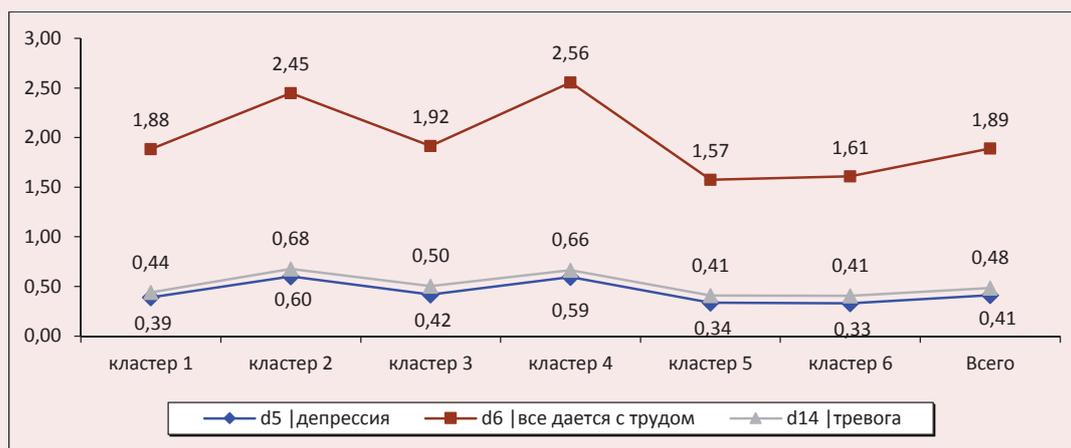
Чтобы выявить проблемы представителей третьего и шестого кластеров, мы провели сравнительный анализ различных показателей адаптированности: психических состояний разной направленности, самооценки, образцов социального поведения, вовлеченности в производственную деятельность. Сразу скажем, что показатели для пятого кластера полностью соответствуют состоянию адаптации, поэтому мы не включили их в описание, но на графиках для сравнения они присутствуют.

Негативные проявления психических состояний мы отслеживали по показателям депрессии, тревоги, присутствующим в факторном анализе, и переменной, отражающей ощущение, что всё дается с трудом (рис. 1). Кроме более частых оценок наличия депрессивных и тревожных состояний для второго и четвертого кластеров, мы отмечаем высокие субъективные оценки наличия трудностей у представителей второго кластера и более высокие (по сравнению с данными для пятого кластера — «адаптация») у респондентов из первой и третьей групп.

Проявления позитивных психических состояний мы сравнивали по дополнительным переменным — «чувствую почти каждый день удовлетворение, что всё получается» и «я счастлив(а)» (максимальный балл — 4; рис. 2). Группа дезадаптированных респондентов (четвертый кластер) демонстрирует самые низкие оценки удовлетворенности и ощущения счастья среди всей выборки. У лиц, входящих в шестой кластер, вырисовывается интересная ситуация: они ощущают себя счастливыми и в то же время не могут сказать, что получают удовлетворение от того, что всё получается. Если бы причиной подобного положения были неудачные результаты деятельности, оценка которых важна для респондентов, то уровень счастья не был бы таким высоким. Более подходящее объяснение, на наш взгляд, заключается в том, что для респондентов из шестого кластера не так важны результаты их деятельности, чтобы отсутствие удовлетворения ими влияло на переживание счастья.

Посмотрим теперь на связь самооценки (переменная «Я хорошо отношусь к себе») с проявлениями субъектности (переменная «Я сам(а) решаю как мне жить») и субъективной оценкой своего социального статуса⁷. Мы видим, что, во-первых, хорошее отношение к себе связано

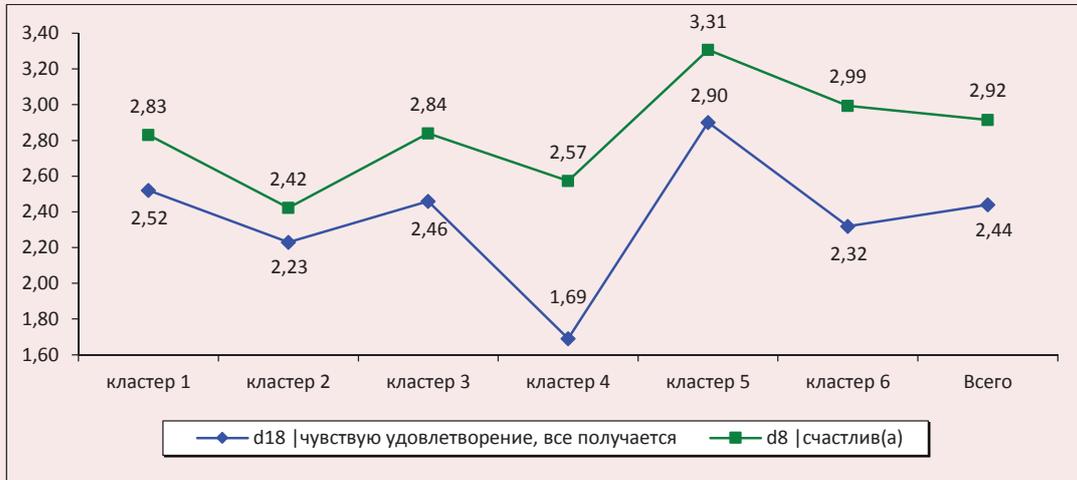
Рис. 1. Значения переменных, характеризующих негативные психические состояния, по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

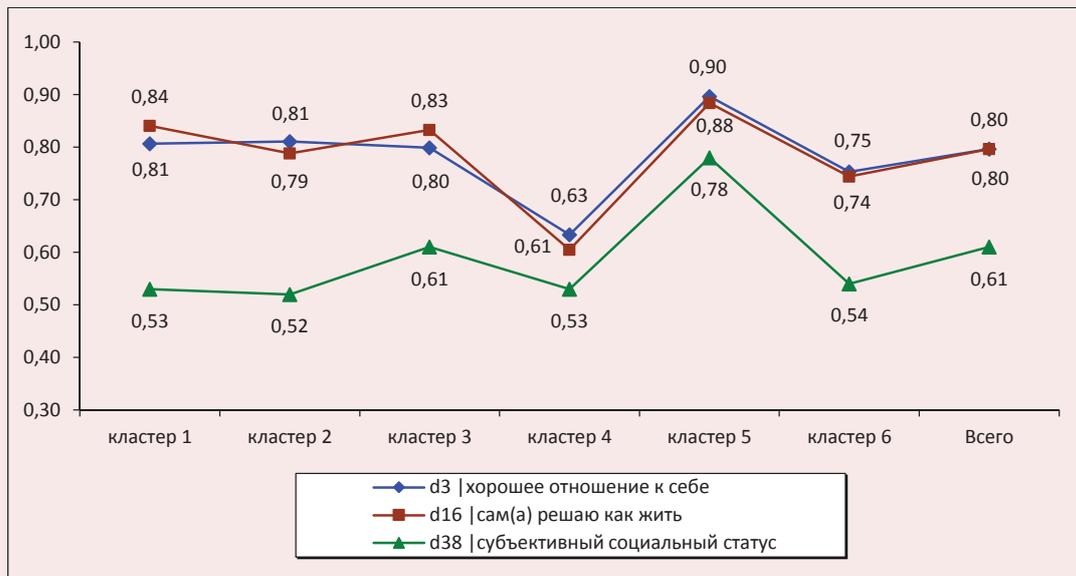
⁷ Субъективная оценка социального статуса выставлялась по шкале от 0 до 10 баллов как ответ на вопрос: «В нашем обществе есть люди, которые находятся ближе к верхушке общества, а есть люди, которые ближе к его низам. Где бы Вы расположили себя на этой шкале в настоящее время?»

Рис. 2. Значения переменных, характеризующих позитивные психические состояния, по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Рис. 3. Значения переменных, характеризующих самооценку, по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

с самостоятельным принятием жизненно важных решений (рис. 3). Поэтому у представителей шестого кластера по обоим пунктам низкие баллы. Если в первом, втором и третьем кластерах около четверти респондентов абсолютно согласны с утверждением «Я хорошо отношусь к себе», в пятом кластере — более половины,

то в шестом — только 11%. Аналогичная картина с оценкой субъектности: абсолютное согласие по поводу самостоятельного принятия жизненно важных решений выражают 13% респондентов из шестого кластера, более 50% — пятого, более чем по трети — первого, второго и третьего кластеров.

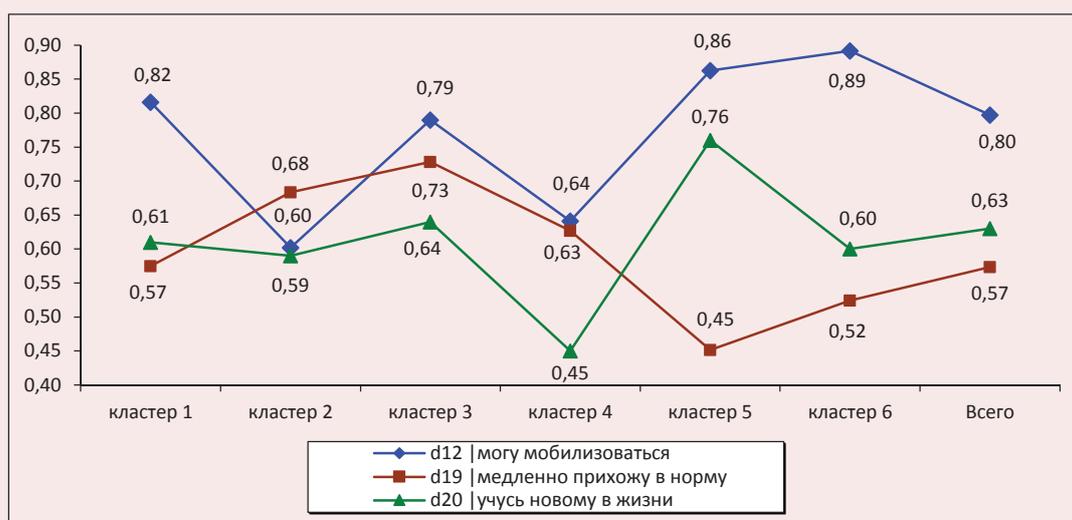
Для респондентов всех кластеров, кроме пятого, следует отметить низкий субъективный социальный статус. Может быть, это связано с особенностями наполняемости кластеров представителями различных социальных классов, групп? В шестом кластере, наряду с представителями рабочего класса (45%), высока доля служащих, «белых воротничков» (20%). Для сравнения: в пятый кластер вошли 44% лиц, относящих себя к руководству, 41% – к бизнесу. На данный сектор приходится также треть респондентов, не испытывающих материальных затруднений (32%). При наличии не самых низких оценок социального статуса представителями четвертого кластера (на одном уровне с оценками респондентов из 1, 2 и 6 кластеров) эта группа отличается заниженной самооценкой и несамостоятельностью в отношении принятия жизненно важных решений.

На рис. 4 представлены данные, характеризующие особенности социального поведения представителей выделенных групп при изменениях внешней среды, увеличении её нагрузки. Представители первого кластера средне оценивают свои способности к адаптации, однако отмечают, что при необходимости могут собраться, мобилизовать себя. Проблема той части населения, которая относится к треть-

му кластеру, заключается в замедленных темпах приспособления к изменяющимся условиям. Респонденты, составляющие шестой кластер, при необходимости легко мобилизуются и быстро приходят в норму, но они мало заинтересованы в том, чтобы изменяться, учиться чему-нибудь новому, т.е. обладают низким инновационным потенциалом по сравнению с пятым и третьим кластерами. Лица, входящие в четвертую группу, достаточно медленно приходят в норму и часто не могут мобилизовать себя; они не склонны получать новые знания и умения. Представители второго кластера чаще других отмечают невозможность мобилизовать свои силы, что сочетается с негативными психическими состояниями (см. рис. 1), при этом они достаточно быстро возвращаются в норму. Возможно, что реакция этой группы населения на стрессовые ситуации является острой и кратковременной, но даже при наличии ресурсов им трудно предпринимать шаги по исправлению ситуации.

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что представители третьего и шестого кластеров демонстрируют достаточно высокие показатели адаптивности (как психического состояния, так и поведенческих практик). Но это адаптивное состояние акту-

Рис. 4. Значения переменных, характеризующих процессы адаптации к изменяющимся условиям, по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

ально на момент опроса, и мы не можем спрогнозировать результаты адаптационного процесса при увеличении внешней нагрузки на третий кластер, так как его характеристикой является медленное возвращение в норму и высокие нагрузки могут «выбить из колеи». Не ясен также результат адаптации у представителей шестого кластера, если они лишатся внешней поддержки, поскольку они обладают низкими внутренними адаптационными ресурсами. В концепции сохранения ресурсов С. Хобфолла потеря как внутренних, так и внешних ресурсов ведёт к снижению субъективного благополучия, воспринимается как ситуация стресса, что в итоге негативно сказывается на состоянии психического здоровья личности [25].

Анализ социальной адаптации россиян с точки зрения субъектно-деятельностного подхода

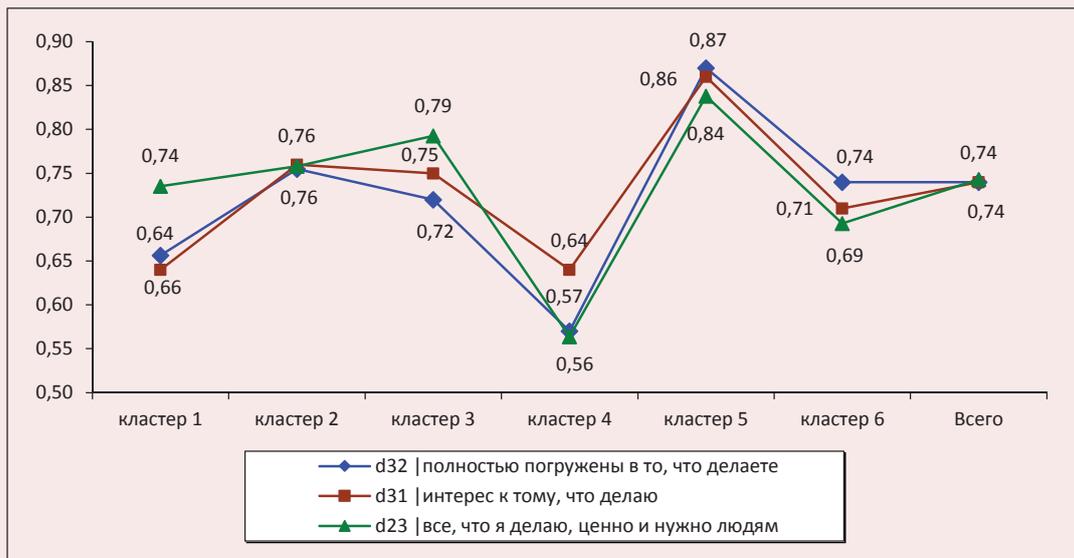
Чтобы раскрыть вклад субъектно-деятельностного подхода в оценку социальной адаптации, мы опирались на принцип включенности личности в общественные отношения, проявляющейся в совместной деятельности и общении. Для примера мы изучили отношение респондентов к собственной трудовой деятельности — одному из основных видов челове-

ской деятельности: насколько она им интересна, считают ли они её ценной и нужной людям, могут ли оказать влияние на свою повседневную работу и деятельность всей организации/предприятия (рис. 5 и б). Тем самым мы хотели выявить положение представителей различных с точки зрения адаптации групп в континууме «вовлечение в трудовую деятельность» — «отчуждение труда».

Как видно, лица, входящие в первый кластер, проявляют слабый интерес к своему делу. Они просто не находят время для того, чтобы делать то, что им нравится. Но при этом могут оказывать влияние на организацию своей повседневной работы и даже на принятие наиболее важных решений о деятельности всей организации/предприятия. В целом у представителей первого кластера встречается низкий уровень интереса к своей деятельности и возникающее временами ощущение, что все дается с большим трудом. Однако этот факт не влияет на самооценку; группа обладает достаточными внутренними ресурсами и отличается психическим благополучием.

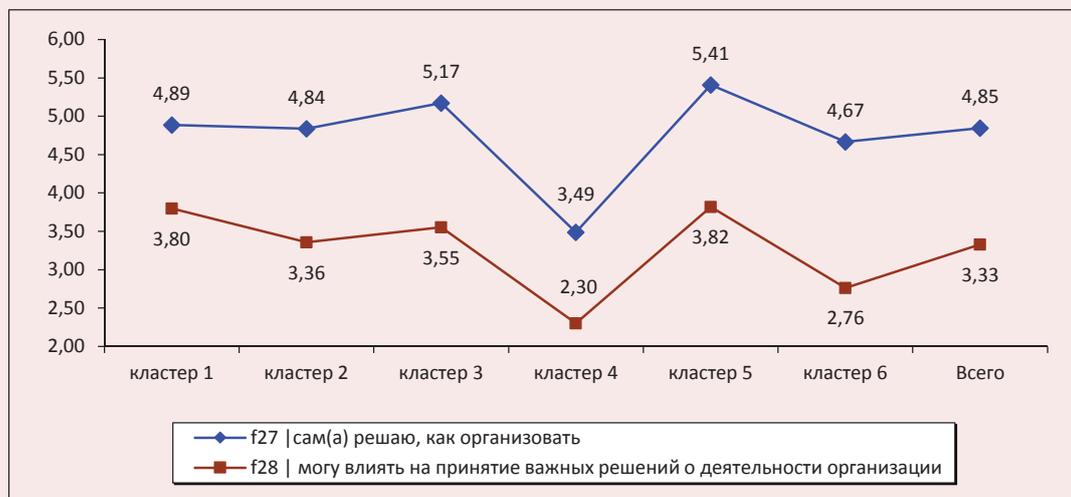
Представители третьего кластера, так же как и первого, считают свою деятельность более нужной людям, чем интересной, и у них доста-

Рис. 5. Субъективные оценки собственной производственной деятельности по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

Рис. 6. Субъективные оценки ресурсов влияния по выделенным кластерам респондентов, средний балл

Источник: рассчитано по данным ESS. Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>

точные ресурсы влияния на организацию деятельности. Для лиц, входящих в эту группу, тоже характерно ощущение, что все дается с большим трудом, и оно накладывается на трудности с возвращением в нормальное состояние при неблагоприятных воздействиях. Слабые внутренние ресурсы сочетаются с низким ресурсом влияния на организацию рабочей деятельности и сомнениями в ценности своего дела.

Респонденты из шестой группы порой сомневаются в нужности и ценности своего дела. Однако серьезную проблему для них представляет низкий ресурс влияния. Они часто не могут самостоятельно принимать решения по поводу своей повседневной работы и оказывать влияние на деятельность всей организации/предприятия. Мы охарактеризовали весь комплекс симптомов как «отчуждение труда» у шестого кластера.

Итак, что касается сферы производственной деятельности, то здесь следует согласиться с М.А. Шабановой, по мнению которой, для представителей большинства кластеров (второго, третьего, четвертого и шестого) «самостоятельные и независимые социальные действия и состояния вообще пока в большинстве случаев...» лежат за её пределами [26, с. 100].

Обсуждение

Так как основные современные вызовы носят экономический характер, то интересно будет сравнить результаты исследования адаптационных стратегий в ситуациях финансового стресса. Кто-то воспринимает финансовые проблемы как вызов и мобилизует ресурсы для их решения (меняет привычные схемы расходования средств, ищет другие источники дохода), кто-то интерпретирует подобные ситуации как неуправляемые [27]. В нашем исследовании второй стратегии придерживаются представители третьего кластера. Здесь можно провести параллель с данными С.В. Мареевой о социально-экономической адаптации населения России, согласно которым 15% россиян для улучшения материального положения не предпринимают никаких действий, т.к. считают, что не могут ничего сделать сами для выхода из трудной ситуации [9, с. 69].

Полученные данные о ресурсах адаптации согласуются с результатами других эмпирических исследований, которые показывают преимущественное значение для россиян в современных условиях социального ресурса [8, с. 48; 28]. Зарубежными исследователями также выявлено, что просто представление о

возможности получения при необходимости поддержки способно помочь справиться со многими стрессовыми ситуациями. Восприятие наличия социальной поддержки не только уменьшает негативные переживания, но и в отдельных случаях мотивирует к самостоятельным усилиям по преодолению трудностей [29]. Однако влияние, оказываемое переменной «Социальная поддержка», может быть двояким. Например, в пожилом возрасте негативные последствия экономического стресса сдерживаются или компенсируются ожидаемой поддержкой, а вот полученная поддержка усугубляет влияние финансового стресса на симптомы депрессии [30].

Значительная роль в адаптации наряду с экономическим, человеческим и социальным капиталом отводится и психологическим ресурсам [31]. Результативные копинг-стратегии по преодолению экономического стресса, вызванного увольнением и поиском новой работы, связаны со следующими видами действий: повышением самоэффективности, получением социальной поддержки, постановкой цели и развитием новых навыков [32]. Судя по данным зарубежных исследований, из личных ресурсов самоэффективность обладает наибольшим защитным потенциалом в ситуациях экономического стресса или финансового напряжения [33; 34]. При этом психологические ресурсы характеризуют деятельность человека, а не являются совокупностью личностных черт [31]. В целом люди, задействующие все ресурсы (психологические, социальные, финансовые), имеют большую устойчивость к кризисам [35; 36].

Для дальнейшей работы по созданию психологического инструментария интересен различный опыт построения подобных методик. Например, П.С. Кузнецов, интерпретируя адаптацию как процесс установления соответствия между потребностями личности и уровнем их удовлетворения, предлагает в своей методике как расчет индексов, так и определение уровня и профиля адаптации [37].

Резюме

Итак, эмпирические данные подтверждают теоретические выкладки о показателях социальной адаптации. В результате факторного анализа нами выявлены четыре латентные переменные, описывающие ресурсы и результат адаптационного процесса. Две переменные отражают адаптированность личности: позитивное психическое самочувствие и активные поведенческие практики в условиях изменения среды (субъектная активность). Две другие латентные переменные обобщают характеристики адаптационных ресурсов личности: внутренних (высокая адекватная самооценка, субъектность, интернальный локус контроля) и внешних (социальная поддержка). Тем самым гипотеза 1 получила своё подтверждение в ходе анализа эмпирических данных.

Подтверждена также гипотеза о зависимости дифференциации по уровню адаптации от различий в адаптационных ресурсах и от актуальной нагрузки внешней среды. Чётко выделяются группы, состоящие из адаптированных и дезадаптированных лиц, причём адаптированные сохраняют свой статус при актуальном и прогнозируемом положении дел. Нами выделены группы, которые являются проблемными с точки зрения динамики адаптационных процессов в случае изменения исходных данных: увеличения внешней нагрузки или уменьшения социальной поддержки. Поэтому, несмотря на высокие актуальные показатели адаптированности представителей этих групп, мы отнесли их к разряду «потенциально дезадаптированные». Латентно-структурный анализ позволил выделить основания для стратификации российского общества по критерию социальной адаптации.

Новизна работы заключается в реализации междисциплинарного подхода к исследованию социальной адаптации. Полученные в ходе факторного анализа латентные переменные можно использовать в качестве шкал при создании методики исследования социальной адаптации на основе субъективных оценок населения.

Литература

1. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
2. Brenner M. *Mental illness and the economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973. 287 p.
3. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 3-11.
4. Авраимова Е., Логинов Д. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. №3. С. 13-17
5. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
6. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной адаптации» // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 46-57.
7. Беляева Л.А. Идеально типические группы адаптации в современной России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 327-333.
8. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43-53.
9. Мареева С.В. Адаптация россиян к последствиям экономического кризиса // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 65-75.
10. Ильин В.А. Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 11-29. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.1
11. Морев М.В., Смолева Е.О. Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(3). С. 26-45. DOI:10.31119/jssa.2018.21.3.2
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
13. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-208.
14. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press, 2001. 698 p.
15. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
16. Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности. М.: Академический проект, 2006. 224 с.
17. Ядов В.А. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3-4. С. 312-322.
18. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т.7. № 3. С. 28-41.
19. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4(8). С. 25-49.
20. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с.
21. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-еврознак, 2006. 479 с.
22. Rotter J.B. Some problems and misconceptions related to the construct of internal versus external control of reinforcement. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1975, vol. 43, pp. 56-67.
23. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior change. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, pp. 191-215.
24. Joreskog KG, Sorbom D. *Advances in Factor Analysis and Structural Equation Models*. Cambridge, MA: Abt Books, 1979. Pp. 21-44.
25. Hobfoll S. The influence of culture, community, and the nest-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, vol. 50, pp. 337-421.
26. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78-104.

27. Davis Ch., Mantler J. *The Consequences of Financial Stress for Individuals, Families, and Society*. Ottawa: Carleton University, 2004. 32 p.
28. Кислицына О.А., Ферландер С. Влияние социальной поддержки на здоровье москвичей // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 81-83.
29. Wethington E., Kessler R.C. Perceived support, received support, and adjustment to stressful life events. *Journal of Health and Social Behavior*, 1986, vol. 27, pp. 78-89.
30. Krause N. Anticipated Support, Received Support, and Economic Stress Among Older Adults. *Journal of Gerontology*, 1997, vol. 52B (6), pp. 284-293.
31. Luthans F., Luthans K. and Luthans B. Positive psychological capital: Going beyond human and social capital. *Business Horizons*, 2004, vol. 47 (1), pp. 45-50.
32. Liu S., Huang J., Wang M. Effectiveness of job search interventions: A metaanalytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140(4), p. 1009. DOI: 10.1037/a0035923
33. Bartholomae S., Fox J. Coping with Economic Stress: A Test of Deterioration and Stress-Suppressing Models. *Journal of Financial Therapy*, 2017, vol. 8 (1), p. 6. DOI: 10.4148/1944-9771.1134
34. Lim H., Heckman S.J., Montalto C.P., Letkiewicz J. Financial stress, self-efficacy, and financial help-seeking behavior of college students. *Journal of Financial Counseling and Planning*, 2014, vol. 25(2), pp. 148-160. DOI: 10.4148/1944-9771.1063
35. Okafor E., Lucier-Greer M., Mancini J.A. Social stressors, coping behaviors, and depressive symptoms: A latent profile analysis of adolescents in military families. *Journal of Adolescence*, 2016, vol. 51, pp. 133-143. DOI: 10.1016/j.adolescence.2016.05.010
36. Tandon S., Dariotis J., Tucker M., Sonenstein F. Coping, stress, and social support associations with internalizing and externalizing behavior among urban adolescents and young adults: Revelations from a cluster analysis. *Journal of Adolescent Health*, 2013, vol. 52(5), pp. 627-633. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2012.10.001
37. Кузнецов П.С. Методика измерения социальной адаптации // Социология: 4М. 1997. № 9. С. 142-146.

Сведения об авторе

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Smoleva E.O.

Criteria and Resources for Social Adaptation of Russia's Population

Abstract. The stress caused by social changes that Russia's population experienced due to the change of the socio-economic order forced them to choose adaptation behavior strategies: from active influence on the environment to avoiding problems. In these conditions, the developing branch of knowledge – the sociology of adaptation – was interested in the socio-economic aspects of the issue associated with changes in living standards, social status and economic behavior strategies of members of different stratification groups and the impact of different types of capital. However, studying adaptation as a component of social health is equally important. The goal of the present paper is to study social adaptation of Russia's population and identify its groups with different adaptation potential. We focus on adaptation in terms of resource and subject-activity approaches. European Social Survey data (Russia, sample size is 2,484 people) serve as an empirical base of our research. We consider social adaptation through the indicators of its result: adaptation level and through resources. We identify four latent variables using latent structural analysis of the observed variables that reflect different aspects of adaptation. Two of them characterize the result of adaptation: positive mental health and subjective activity (active behavioral practices in a changing environment). The other two are adaptation resources: internal (high adequate self-assessment, subjectivity, internal locus of control) and external (social support). Using latent-structural analysis we

determine the grounds for stratification of Russian society according to the “social adaptation” criterion. We identify groups that are problematic in terms of the dynamics of adaptation processes in the case of the changes in the initial data such as an increase in the external load or a decrease in external resources. We reveal that from the standpoint of the subject-activity approach the maladjustment of an individual is connected with their alienation in professional activity. The novelty of our work lies in the fact that it implements an interdisciplinary approach to the study of social adaptation.

Key words: social adaptation, resource-based approach, activity-based approach, adaptation potential, social subjectivity, social support.

Information about the Author

Elena Olegovna Smoleva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Статья поступила 11.03.2019.